

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» ДОСТОЕВСКОГО В КРОССКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

К.И. ШАРАФАДИНА

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

В статье предложена лингвокультурологическая интерпретация природно-культурного аспекта «петербургского текста» Достоевского, в частности микросюжета из романа в письмах «Бедные люди», связанного с комнатным цветником. Автор воссоздает по малоизвестным источникам традиции комнатного цветоводства 19 в., подробно характеризует избранные писателем флорообразы (герань, бальзамин, резеда) и сравнивает их ментальные репутации в разных культурах, привлекая произведения зарубежных писателей (Диккенса, Теккерея, Бальзака и др.).

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», «Бедные люди», кросскультурный контекст, природно-культурный фон, комнатное цветоводство, лингвокультурная репутация, флоропоэтика, флорообраз, интерпретация для инонациональной аудитории.

В «петербургском тексте» мир природы занимает особое место, которое можно прокомментировать утверждением В. Н. Топорова: «Петербург ... оказывается не результатом победы, полного торжества культуры над природой, а местом, где воплощается, разыгрывается, реализуется двоевластие природы и культуры» [16: 35].

Эстетизированная флора и фауна северной столицы пристально изучена Л. Е. Ляпиной в недавней книге «Мир Петербурга в русской поэзии». По ее наблюдениям, литература постепенно повышала роль природы в образе нашего города, обнаруживая все большее внимание к «индивидуальности» растительного мира [13]. Так, вкладом О. Мандельштама в петербургский

поэтический пейзаж стал «пыльный тополь» («Адмиралтейство», 1913), от Анны Ахматовой – «царственные липы» Летнего сада («Летний сад», 1959), а клен, дуб и сирень добавил позже А. Кушнер.

Устойчивой природной эмблемой северной столицы в художественной петербургиане стали сады. По известному определению Д. С. Лихачева, этот образ принадлежит к ключевым «текстам» культуры. Если продолжить литературные аналогии, то можно вспомнить идею садоустроителя Пьетро Гонзаго – сад, читаемый как роман, которую он воплотил в Павловске. «Витийством без речей / воды, лесов и гор» назвал сад Жак Делиль, а многие поэты видели в садах и парках «книгу» и все

поэтические жанры – от оды до элегии и идиллии.

Среди поэтов и писателей Нового времени немало как садоводов–практиков (Петрарка, Дж.>Addисон, А. Поп, Гете), так и тех, кто с особым интересом и вниманием относился к садам. Многие из них делились своей симпатией с героями своих произведений: напомним знаменитый сад Юлии, героини Руссо, в русской классике – сады тургеневских и гончаровских персонажей.

Казалось бы, «городской» Достоевский вряд ли уместен в этом ряду. В то же время образ сада у писателя один из ключевых, как утверждают исследователи [9; 10; 14]. Наибольшая частота употребления лексемы *сад* отмечена в романе «Братья Карамазовы», в котором важную роль играет сад Федора Павловича [7]. Напротив, в романе Достоевского «Преступление и наказание», почти целиком построенном на пространстве города, мотив сада пунктирен. Тем более значим на таком фоне грандиозный по масштабам проект Раскольниковова, посещающий его по дороге к старухе-процентщице в вечер преступления: «...если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь» (глава VI). Комментаторы установили, что подобный проект был изложен в «Петербургском листке» от 18 июля 1865 года. Но задолго до него еще в проекте 1717 года архитектора А.Леблона сад должен был располагаться на огромных прилегающих территориях, которые в будущем займут Марсово поле, Михайловский дворец и сад,

Инженерный замок. Специалисты по истории русского садово-паркового зодчества усматривают в нем «руководящие идеи» его первого владельца и инициатора создания: Петр сам наметил направление аллеи, положение первых цветников и фонтанов [3: 49–50]. Таким образом, в грандиозных масштабах расширения Летнего сада Раскольниковова, сам того не подозревая, соперничает с Петром Великим, и эта аллюзия пополняет перечень «право имеющих» (Ликург, Солон, Магомет, Наполеон), с кем идеологически состязается герой.

Но если Летний сад создавался Петром I как сад-музей, сад-школа и стал в сознании русских писателей знаком начала русского просвещения, русской культуры в ее светском варианте, то проект Раскольниковова обнаруживает его подсознательное тяготение к сакральному пространству, новому саду – Эдему с его атмосферой покоя, блаженства, непротиворечивой гармонии. В этой связи любопытно его параллельное предложение об «устройстве фонтанов на всех площадях», которые бы «хорошо освежали воздух».

Этот «достоверный» проект, тем не менее, включается в формирование сквозного символического мотива романа: если пространством казуистической идеи Раскольниковова становится душный, пыльный, грязный город-«ад», в котором он задыхается, то мифологема сада, далеко не случайно возникающая в сознании героя, как это кажется ему, предвещает тоску по утраченному в результате «грехопадения» (преступления) пространству «общей всем людям родины» – Эдему и связей друг с другом.

Тоска по природе в «каменном

мешке» города породила и такую петербургскую примету, как увлечение комнатными цветами. В качестве элемента интерьера цветы стали использоваться только с 18 века, во время петровских преобразований отечественного быта. Сначала это были оранжерейные растения (померанцевые и миртовые деревья), используемые для украшения во время проведения праздников и торжеств. Первые комнатные (вечнозеленые, вьющиеся, диковинные) растения появились как дань европейской моде, и позволить себе это «баловство» могли не многие, так как цветы были привозными или специально выращивались садовниками-иностранцами. Но уже во второй половине 18 столетия многим захотелось почувствовать себя в роли садовников комнатного цветника, поэтому масштабы увлечения возрастают, оно демократизируется, появляются цветочные рынки и уличная торговля в разнос [См. подробнее: 2].

Любопытно, что выбор растений мог быть «профессионально-портретным», указывая на занятия хозяев: «Если имение принадлежало купцам, ведущим торговлю с отдаленными государствами (Японией, Китаем, обеими Америками и пр.), то престижным становилось иметь в своих садах и оранжереях растения этих стран» [12: 356].

Традиционное место расположения комнатных цветов – подоконник. По наблюдениям искусствоведов, растения на подоконниках нередки в интерьерном жанре, при этом их присутствие может быть ненавязчиво значимым. На картине «У окна в лунную ночь» (1822, ГТГ) Ф.П. Толстой изобразил девушку, сидящую рядом с горшком

роз в полном цвету (на «языке цветов» – любовное томление).

«Страсть блистать обуревают русских, - считал А. де Кюстин. - Поэтому в их гостиных цветы расставляются не так, чтобы сделать вид комнат более приятным, а чтобы им удивлялись извне. Совершенно обратное наблюдается в Англии, где более всего боятся рисовки для улицы» [15: 314-315]. С.С. Веселова критикует это ошибочное, по ее мнению, восприятие. Она напоминает, что в наших интерьерах растения было принято ставить ближе к окнам и на подоконники из-за недостатка света, а не из желания произвести впечатление, ссылаясь на множество отраженных живописью примеров иного, не видного с улицы, расположения растений: и в дальних углах комнаты, и вдоль стен, и у дверных порталов, и в простенках между окнами [4: 140].

К комнатным растениям привязывались, как к другим домашним питомцам, забирали «на летние квартиры» и в путешествия, чтобы они напоминали о привычном укладе родного дома: на картине А.И. Иванова «Братья художники Чернецовы в барке во время путешествия по Волге» (1838, ГРМ) в каюте, ставшей на время мастерской, расставлены горшки с цветами.

Вернемся к Достоевскому. О знакомстве писателя с практическим цветоводством свидетельствуют мемуаристы. Так, А.Б. Врангель вспоминал, как в Семипалатинске он жил вместе со ссыльным Достоевским, и они вместе с увлечением разводили цветы.

Другое свидетельство интереса писателя к цветам «погружено» в навеянную воспоминаниями о ро-

довом имени Даровое в Тульской губернии повесть «Маленький герой. Из неизвестных мемуаров» (написана во время заточения писателя в Петропавловской крепости). Главный герой собирает важный для развития сюжетной интриги букет из десяти конкретно названных полевых цветов, трав, колосьев, листьев деревьев:

«Хотите, я вам букет нарву! – сказал я таким радостным голосом, что ...М вдруг подняла голову и пристально посмотрела на меня.

- Принеси, - проговорила она, наконец, слабым голосом, чуть-чуть улыбнувшись и тотчас же опять опустив глаза в книгу.

- А то и здесь, пожалуй, скосят траву и не будет цветов! – закричал я, весело пускаясь в поход.

Скоро я набрал мой букет, простой, бедный. Его бы стыдно было внести в комнату; но как весело билось мое сердце, когда я собирал и вязал его! *Шиповнику и полевого жасмина* взял я еще на месте. Я знал, что недалеко есть нива с созревающей рожью. Туда я сбегал за *васильками*. Я перемешал их с *длинными колосьями ржи, выбрав самые золотые и тучные*. Тут же, недалеко, попалось мне целое гнездо *незабудок*, и букет мой уже начинал наполняться. Далее, в поле, нашлись *синие колокольчики и полевая гвоздика*, а за *водяными, желтыми лилиями* сбегал я на самое побережье реки. Наконец, уже возвращаясь на место и зайдя на миг в рощу, чтоб промыслить *несколько ярко-зеленых лапчатых листьев клена* и обернуть ими букет, я случайно набрал на целое семейство *анютиных глазок*, вблизи которых, на мое счастье, ароматный *фиалковый запах* обличал в сочной,

густой траве притаившийся цветок, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы. Букет был готов. Я перевязал его длинной, тонкой травой, которую свил в бечевку, и вовнутрь осторожно вложил письмо, прикрыв его цветами, - но так, что его очень можно было заметить, если хоть маленьким вниманием подарят мой букет».

Цветочной склонностью наделяет Достоевский и «бедных людей» из одноименного романа. Комнатные цветы (бальзамин, герань, резеда, розанчики) фигурируют в первых письмах героев в контексте микросюжета: Макар Девушкин, покупая и отсылая Вареньке цветочные подарки, выполняет неосторожно высказанное ею желание.

«Вижу, уголочек занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с *бальзаминком*, точнехонько так, как я вам тогда намекал <...> как это ловко придумано, и писем не нужно! <...> Я там купил парочку горшков с *бальзаминчиком* и *гераньку* — недорого. А вы, может быть, и *резеду* любите? Так и *резеда* есть, вы напишите» (Апреля 8. 1, 13).

«И зачем мне эти горшки? Ну, *бальзаминчики* еще ничего, а *геранька* зачем? Одно словечко стоит неосторожно сказать, как например об этой герани, уж вы тотчас и купите; ведь, верно, дорого? Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками. Где это вы достали такую хорошую *гераньку*? Я ее посредине окна поставила, на самом видном месте <...> Про занавеску и не думала; она, верно, сама зацепилась, когда я горшки переставляла; вот вам! <...> Сегодня уж я нарочно угол загну» (Апреля 8. 1, 17).

«Посылаю вам винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорят, хорошо. <...> Вам *розанчиков* намедни захотелось, маточка; так вот я вам теперь их посылаю» (Мая 20).

Вместо комментария к цветочным приоритетам героев напомним меткое очерковое наблюдение Н. С. Лескова. Писатель вывел своеобразную формулу мещанского интерьера из показательного соседства «купеческих» цветов и комнатных птичек (канареек и чижигов):

«В окнах, которыми заканчивается коридор по одну и по другую сторону, стоят купеческие цветы: *герань, бальзамины, волкамерия, красный лопушок и мольное дерево*, доказывающее здесь свое бессилие против огромного изобилия моли. На одном окне цветы стоят прямо на подоконнике, а у другого окна — на дешевой черной камышовой жардиньерке. Вверху под занавесками — *клетки с птичками, из которых одна канарейка, а другая — чижик*. Птички порхают, стучат о жердочки носиками и перекликаются, а чижик даже поет» (очерк «Полунощники», 1891 [11; 31]).

Но, оказывается, в иных культурах растительными эмблемами комнатного уюта выступают другие растения, и это различие необходимо учитывать и комментировать при работе над текстом в интонационной аудитории.

Так, в советской бытовой культуре со времен нэпа атрибутом мещанского уюта стал фикус: «В квартире, густо унавоженной бытом, сами по себе выросли фикусы» (И. Ильф. «Из записных книжек»). Английское *rubber-plant* не обладает подобной оценочностью, да и как комнатное растение фикус мало

известен англичанам. Символом респектабельности, передающимся из поколения в поколение (может дожить до 100 лет), в англоязычных странах стала аспидистра (*Aspidistra Lurida*) — неприхотливое вечнозеленое многолетнее комнатное растение из семейства спаржевых. Там ее называют также «чугунным растением» — за особую стойкость и жизнелюбие (тенелюбивая и засухоустойчивая, переносящая пыльные комнаты и сквозняки). У нас аспидистра больше известна под говорящим названием «дружная семейка» (за большое количество прикорневых листьев). Или другой пример: ценимый нами за семена подсолнечник англичан привлекает только декоративными качествами, а семечки они используются для кормления белок и попугаев, поэтому и не поймут (в случае буквального перевода) ироническую отсылку В. Катаева к русской «забаве» шелканья семечек в таком фрагменте: «...а справа мелькали дачные пяточки, усеянные сухой шелухой подсолнуха» («Трава забавения»).

Сравним международные репутации выбранных Достоевским растений, помня, что один и тот же фитоним в различных языках может иметь прямо противоположные переносные значения. Так, фитоантропоморф *дуб, дубина* в русском языке отнесут к тугодуму с негибким мышлением, не понимающему юмора; в немецком языке *die Eiche* это «честный, принципиальный человек», в литовском *ažuolas* — «мудрый», в польском *jak dąb* означает «крепкий/здоровый».

Бальзамин — один из комнатных старожилов. Будучи завезенным в Европу еще в 16 веке, он уже не-

сколько веков не покидает подоконники. В его прошлом - тропические леса Африки, Ост-Индии, а также Средней Азии. Именно оттуда (с Ферганского хребта) дикий вид бальзамина был привезен в прошлом столетии в Петербургский Ботанический сад и распространился как сорняк.

Издавна сложилась его репутация как растения «целительного», наделенного «силой укрепляющей, заживлению ран и язв способствующей», отсюда и название: «думали, что из соку можно готовить бальсам»^{1*}. Заметим попутно, что слово *бальзам* имеет переносное значение «средство утешения, облегчения».

В именах, которые бальзамин получил в народной ботанике разных стран, отмечается единодушная персонификация. В Англии и Германии цветок наделили добродуш-

но-поощряющими характеристиками, назвав «Хлопотунья Лизи» и «Прилежная Лизхен» за неутомимость цветения. В России антропонимические имена бальзамина - Ванька мокрый/Ванюша-плакудушка/Ванька-плакса имеют иной колорит – снисходительно-сочувственный. «Слезливый» акцент в фитонимах объясняют влаголюбивостью растения: при ее недостатке листья обвисают тряпочками и быстро засыхают. Кроме того, в солнечные дни при сильном испарении на листьях появляются блестящие и сладкие «слезы Ваньки». Еще одно простонародное название растения - «огонек» - связывают с яркой, чаще всего красной, окраской цветов. «Называют и “Не-тронь-меня”, так как от легкого прикосновения созревшие семенники скоропостижно разверзаются, вскоре в трубочку свертываются, и далече от себя свои семена рассыпают» [6].

Герань (точнее, пеларгония из семейства гераниевых) появилась в Европе в конце XVII в. как африканская экзотика, в XVIII и XIX вв. стала одним из самых любимых цветущих растений, имеющим около тысячи сортов. Но исключительную популярность она приобрела в Великобритании, символизируя викторианский стиль. Комнатную герань называли там «королевской», и имена сортов тоже были «аристократическими»: «Королева Виктория», «Король Эдуард VII», «Король Альберт», «Гамбетта».

Почти непременно этот цветок присутствует при описании интерьерера в произведениях Диккенса: как оранжерейные и комнатные растения герани фигурируют, в частности, в романе «Крошка Доррит» (1857) и «Жизнь Дэвида Коппер-

^{1*}Приведем полное описание (ввиду его яркой колоритности) из пособия конца 18 в.: «Растение вышиною не более аршина. Ствол толстый, прямой, бледно-зеленый, весьма сочный, на многие ветви разделяющийся. Листы многочисленные, продолговатые, копьеобразные, зазубренные, зеленые, сочные, к самому стволу и ветвям короткими черешками прирастающие. Цветы многие. Цветки проникают между ветвей и листов. Каждый цветок поддерживается тонким, коротким, зеленым черешком; бывает пяти- или многолиственный, зияющий, различными красками испещренный. Белые, розовые, красные, голубые цветы. На одном бальзамине случаются цветки одинакие, на ином двойные: белые и красные, белые и голубые, пестрые и проч.; на ином пятилистные, на ином — многолистные. Верхний листочек цветка составляет верхнюю губу, два загнутых нижних — нижнюю губу, два средних — боковые. Растение однолетнее, самородно прозябающее в странах Индии, на местах влажных, лесных, тенистых особливо. В Европе сеется в садах, служит украшением цветников и горничных окошек. Любит изобильную и частую поливку. Причисляется к купнородным единобрачным растениям. Запах во всех частях бальзамина травяной, в листьях и цветах вкус несколько горьковатый» [6: Кн. 1. С. 19-21].

фильда, рассказанная им самим» (1850). В «Ярмарке тщеславия» (1848) У.М. Теккерея герань занимает почетное место на окне гостиной комнаты достойной дамы: «Зоркий наблюдатель мог бы даже узнать красный носик добродушной мисс Джемаймы Пинкертон, выглянувший из-за горшков герани в окне ее собственной гостиной».

Поэтому и главная героиня, Ребекка, рисуя идеальный образ жены помещика, упоминает, в числе прочих занятий, комнатное цветоводство: «Не велика хитрость быть женой помещика, - думала Ребекка. - Пожалуй, и я была бы хорошей женщиной, имей я пять тысяч фунтов в год. И я могла бы возиться в детской и считать абрикосы на шпалерах. И я могла бы поливать растения в оранжереях и обрывать сухие листья на герани». Для другого персонажа по имени Реглс собственный дом с непременно геранью на окнах – материальное воплощение мечты о достатке и собственной значительности:

«Реглс приобрел право аренды, чтобы переселиться в дом от себя, и как только нашелся съёмщик, опять удалился в свою зеленую; но ему доставляло огромное удовольствие, выйдя из лавочки, прогуливаться по Керзон-стрит и любоваться этим владением - собственным домом с геранями на окнах и с резным бронзовым молотком».

С «заданием» репрезентации изысканной роскоши упомянуты герани/пеларгонии в романе Огасты Эванс Вилсон «Вашти, или Пока смерть не разлучит нас» (1869): «Воздух был наполнен благоуханием цветов, которые кивали друг другу из роскошных ваз, расставленных в обеих комнатах; кроме

этого, перед одним из окон на бронзовой консоли стоял фарфоровый кувшин, наполненный пеларгониями с яркими цветками».

У Бальзака в романе «Отец Горио» (1834-35) садовая герань соседствует с оранжерейными гранатовыми и олеандровыми деревьями, составляя им достойную пару: «Главным фасадом пансион выходит в садик, образуя прямой угол с улицей Нев-Сент-Женевьев, откуда видно только боковую стену дома. Между садиком и домом, перед его фасадом, идет выложенная щебнем неглубокая канава шириной в туаз, а вдоль нее - песчаная дорожка, окаймленная геранью, а также гранатами и олеандрами в больших вазах из белого с синим фаянса».

То, за что садовники прошлых времен ценили герани/пеларгонии, очевидно из их аттестации цветка как «подходящего для очарования». Известна придуманная строгими викторианцами комнатная «уловка»: душистые виды размещались повсюду в домах так, чтобы, будучи задетыми длинными юбками проходящей мимо дамы, оставить в воздухе шлейф аромата. Популярным средством общения в викторианскую эпоху стали «тусси-мусси» (tussie-mussies) – небольшие букетики «со значением», в которых гераням/пеларгониям разных оттенков цвета доверяли уверение в уважении, предложение дружбы и признание в любви^{2*}, т. е. всю амплитуду возможного развития отношений.

^{2*}Ярко-красная герань сообщала «Мне надо поговорить с тобой», а также «Всегда с тобой». Ср. признание Вареньки: «Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками. Где это вы достали такую хорошую гераньку? Я ее посредине окна поставила, на самом видном месте!». И все-таки настаиваем на том, что сводить фло-

Символом надежды и покровительницей домашнего очага считают герань в Польше. В России же за ней закрепилась хоть и позитивная, но все же не галантно-салонная репутация. Можно утверждать, что герань в нашем национальном восприятии – цветочная эмблема неприятельного комнатного уюта. Для этого есть все основания: растение самоотверженно поглощает вредные испарения. Автор пособия по комнатному садоводству XIX в. замечал еще одну «демократическую» особенность герани: чем меньше горшки, в которые она посажена, тем она цветет благодарнее.

Восприятие герани как своего рода «сестры милосердия» находим у Джорджа Элиота в «Сценах из жизни духовенства» (1858):

«На первый взгляд Милби был уныло прозаичен: грязный городок, окруженный равнинами, подстриженными вязами и разрастающимися деревьями, которые подкрадываются к нему... Но, несмотря на это, в Милби наступила чудесная весна: вязы покрылись красно-бурыми почками; кладбище было усеяно маргаритками; трели жаворонков зазвенели на равнинах; радуга нависла над грязным городком, украсив крыши и дымоходы... Также здесь обстояло и с человеческой жизнью, которая на первый взгляд казалась мрачным смешением суетности, тщеславия, бездуховности и паров бренди, но, приглядевшись

ближе, Вы вдруг находили некоторую чистоту, мягкость и бескорыстность, – так же, как Вы могли бы увидеть душистую герань, щедро источающую целебные ароматы среди богохульства и джина в шумном кабаке».

В начале 20 в. репутация герани стала снижаться. Так, Морис Метерлинк сетовал, что скромные цветы европейских садов – васильки, маргаритки, левкои – беспощадно сметены «наглыми пришельцами»: их вытеснили «красивая, но навязчивая и немного искусственная клубневая бегония и немного менее назойливая, неутомимая, необычайно мужественная герань».

И, наконец, резеда – растение из Северной Африки. Известная с давних времен (упоминается на глиняных дощечках и в папирусах древнего Египта, где его почитали наряду с лотосом, лилией и миртом), с торговыми караванами она попадает в сады Вавилона, Персии, Турции, Ирана, позднее – в южную Европу (в культуре – с 1725 года). К. Паустовский уподобил это неприметное растение с неброскими соцветиями «бедной девушке в заштопанном сером платье», а Куприн назвал его самым милым и самым застенчивым русским цветком^{3*}. Говорят, что Наполеон Бонапарт (1769-1821) во время своего Египетского похода собирал семена резеды душистой и отсылал императрице Жозефине, чтобы та посеяла растение в своем саду в Мальмезоне, поэтому в наполео-

ристику Достоевского к узко-этикетному смыслу, как это делает И.В. Грачева [8], вряд ли корректно. Привлекая раннюю французскую версию «цветочной почты» (бальзамин — «добродетель», герань — «уважение», роза — «любовь»), она предлагает вчитать в последовательность посылаемых Девушкиным Вареньке подарков его тайное желание признаться в истинном чувстве.

^{3*}Это невысокий кустик высотой 25-40 см с полегающими побегами, концы которых украшают скромные желтовато-зеленые мелкие цветки, собранные в плотные колосовидные соцветия пирамидальной формы.

новской Франции оно стало именоваться «травой любви». Императрице приписывают и европейскую моду выращивать ароматные травы и цветы, в том числе резеду, не только в саду, но и в горшках. Так, в Лондоне в эпоху королевы Виктории целые улицы благоухали изысканным ароматом благодаря оконно-комнатной резеде. Ср. поэтическое свидетельство присутствия резеды на московских окнах: «Тут же на окнах в горшках резеда, бальзамин и левкой» (М. А. Дмитриев, «Московские элегии», 1858).

Кисти мелких зеленовато-белых цветов на фоне светло-зеленой перисто-рассеченной листвы у англичан вызвали ассоциацию с изящным французским кружевом. В истории перевода романа Толстого «Анна Каренина» на английский язык отмечена любопытная «подмена». В оригинале главную героиню украшает цветок-тезка – анютины глазки:

«Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном, низко срезанном бархатном платье. ... Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами».

Но в английской речевой традиции, в разговорном употреблении, анютины глазки – это «женственный мужчина», поэтому в английских переводах романа в бальном наряде Анны появилась гирлянда из резеды (a wreath of mignonette - «веночек, гирлянда резеды»).

И. С. Тургенев сделал нежный запах резеды атрибутивной приметой «тургеневской девушки», ак-

компанирующий ее женственности, молодости, одухотворенности:

«...тонкий запах резеды, оставленный Еленой в ... бедной, темной комнатке, напоминал ее посещение. Вместе с ним, казалось, еще оставались в воздухе и звуки молодого голоса, и шум легких, молодых шагов, и теплота и свежесть молодого девственного тела («Накануне», 1859).

Немаловажны и аллюзии, отсылающие к синонимическому имени резеды - «болеуспокоитель» (от лат. «resedare» - лечить, успокаивать, исцелять, так как применяли, согласно Плинию, при лечении опухолей):

«- Кто здесь? - послышался голос Инсарова. Берснев подошел к нему.

- Я здесь, Дмитрий Никанорович. Что вам? Как вы себя чувствуете?

- Один? - спросил больной.

- Один.

- А она?

- Кто она? - проговорил почти с испугом Берснев.

Инсаров помолчал.

- Резеда, - шепнул он, и глаза его опять закрылись».

Резеда – яркий пример того, как в одной культуре закрепленная за растением семантика может кардинально меняться, отражая смену вкусов [См. подробнее: 17]. Так, к началу века 20-го она стала, по словам Куприна, не более и не менее как символом пошлости и мещанства, наряду с канарейкой, геранью и олеографической картинкой.

Цветочный мотив романа завершают «розанчики». И.В. Грачева ошибочно атрибутирует их как розы и на этом основании приписывает Макару Девушкину тайный умысел последним цветочным подарком-

посланием назвать свое истинное чувство к ней – «любовь» [8: 21]. На самом же деле речь идет о растении из семейства мальвовых – гибискусе китайском (*Hibiscus rosa-sinensis*), которое называли «китайской розой» или розаном. Интересно, что «китайское» название – изначально научное (*H. rosa-sinensis*), и дал его цветку К. Линней, указав на его происхождение. Внешнее сходство с розой – в зубчатых листьях, а также в красных махровых цветах. Но, в отличие от розы, гибискус не пахнет.

Происходят гибискусы из Юго-Восточной Азии, растут в Индии, Африке, Америке. Уже в начале 18 века они украшали ботанические сады Европы, а со временем появились и в России. К 1830 гг. китайская роза стала одним из самых популярных в комнатном цветоводстве растений благодаря великолепному цветению и одновременно выносливости: она выдерживает холод, сквозняки, затемнение, при этом быстро растет и выглядит как кустарник или небольшое ветвистое деревце (высота от 50 см до 2 м). Цветущая почти весь год, китайская роза прекрасно очищает воздух в помещении, благотворно влияет на другие растения в квартире. На Гаити это «цветок любви» и «женственности», в Индии его вплетают в свадебные венки.

Выскажем, наконец, предположение, что «розанчиками» Девушкин называет совсем не цветы: «Посылаю вам винограду немного, душичка; для выздоравливающей это, говорят, хорошо, да и доктор рекомендует для утоления жажды, так только единственно для жажды. Вам розанчиков намедни захотелось, маточка; так вот я вам их

теперь посылаю. Есть ли у вас аппетит, душичка? — вот что главное». Возможно, речь здесь идет о называемых «розами, розанами, розанцами» «пирожных, пряженьи, хворосте» в виде роз.

Мы убедились, какими разными, иногда прямо противоположными могут быть репутации растений в разных культурах, отражая традиции, вкусы, привычки того или иного этноса. Этот факт необходимо непременно учитывать, выстраивая образовательную стратегию при изучении русской литературы в инациональной аудитории.

Очевидно, что и у Достоевского герань, бальзамин, резеда и «китайская роза», будучи распространенными дешевыми комнатными растениями и в связи с этим являясь почти непременно деталью мещанского интерьера, в первую очередь характеризуют «демократические» цветочные вкусы героев. При этом их присутствие в романе интерьерной функциональностью, по нашим наблюдениям, отнюдь не ограничивается: цветы подключены писателем к внутритекстовому апокрифическому мотиву рая как весеннего цветущего сада [1; 5], а «интертекстуальный» бальзамин отсылает к пушкинской растительной эмблеме мира «маленького человека» («Станционный смотритель» Пушкина) [18].

Подводя итог, вернемся к В.Н. Топорову и приведем финал его утверждения, процитированного в начале статьи: «...природно-культурный кондоминимум не внешняя черта Петербурга, а сама его суть, нечто имманентно присущее ему» [16: 36]. Из этого надо исходить, обращаясь к интерпретации природного-культурного аспекта «петербургского текста» Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения на природу: в 3 т. Т. II. С.139 (М., 1994. М., 1868).
2. *Басманова Э.* «И Флора уронила к ним цветок...»: цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII-начала XX века. М.: Интеллектуальная книга - Новый хронограф, 2010.
3. *Вергунов А.П., Горохов В.А.* Русские сады и парки. М., 1988.
4. *Веселова С.С.* Роль живых растений и растительных композиций в убранстве русского жилого интерьера XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 3. С. 129-143.
5. *Ветловская В.Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988.
6. Врачебное веществословие, или Описание целительных растений во врачевстве употребляемых с изъяснением пользы и употребления оных, и присоединением рисунков, природному виду каждого растения соответствующих. По высочайшему повелению сочинил Врачебной науки Доктор и повивальной искусства Профессор Нестор Максимович-Амбодик. [В 4 кн.] Во граде С. Петра: в типографии Морского Шляхетного Кадетского Корпуса, 1783. Кн. 1.
7. *Галаган Г.Я.* Сад Федора Павловича Карамазова // Достоевский Ф.М. Материалы и исследования Т. 15. СПб, 2000. С. 327 – 333.
8. *Грачева И.В.* Флористика в романах Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2006. № 6. С. 20-26.
9. *Коробова М.М.* САД: Лексическая многомерность слова // Достоевский и современность. Материалы XVI Международных Старорусских чтений. Старая Русса, 2002. С.125–129.
10. *Кустовская М.А.* «Человечество обновится в Саду и Садам выправится...»: Концепция Сада в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы русской литературы: межвуз. науч. сб. Вып. 17 (74). С. 40 - 44.
11. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 12 т. Т.11. М., 1989.
12. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 2-е. СПб., 1991.
13. *Ляпина Л.Е.* Мир Петербурга в русской поэзии. СПб.: Нестор-История, 2010.
14. *Нагина К.* Сад и Бог у Толстого и Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 7 (13). С. 139 -147.
15. Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1856. М., 1990.
16. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избр. труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003.
17. *Шарафадина К.И.* «Великолепье небылицы там нежно веет резедой...»: репутация «египетской гостьи» в русской культуре // Россия - Восток: контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции: сборник научных статей: в двух частях. СПб., 2009. Ч. 2. С. 257 - 266.
18. *Шарафадина К.И.* Литература в синтезе искусств. Том 2. Флоропозтология. СПб.: СПГУТД, 2012.

**NATURAL AND CULTURAL ASPECTS OF DOSTOEVSKY'S
«PETERSBURG» TEXTS
IN A CROSS-CULTURAL CONTEXT
KLARA I. SHARAFADINA**

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

The article suggests linguocultural interpretation of natural and cultural aspects of the “Petersburg” texts of Dostoevsky, including the micro story line in the epistolary novel “Poor Folk” related to the pot flower garden. The author of the paper reconstructs the traditions of the 19th century pot flower growing culture according to little known sources, describes in detail the plant images chosen by the writer (cranes bill, patience plant, mignonette) and compares the mental reputations of the later in various cultures, using the works of foreign writers (Dickens, Thackeray, Balzac etc.)

Key words: *Dostoevsky, “Crime and Punishment”, “Poor Folks”, cross cultural context, natural and cultural background, pot flower gardening, linguocultural reputation, floral poetics, floral image.*

**ԴՈՍՏՈՎՍԿՈՒ «ՊԵՏԵՐԲՈՒՐԳՅԱՆ ՏԵՔՍՏ» ՄԻՋՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ
ԲԱՂԿԱՑՈՒՑԻՉԸ ԲՆԱԿԱՆ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ
Կ.Ի. ՇԱՐԱՖԱԴԻՆԱ**

Մանկտ Պետերբուրգի հումանիտար հասարակական համալսարան

Հոդվածում դիտարկվում է Դոստոևսկու «Պետերբուրգ»-յան տեքստերի լեզվամշակութային ասպեկտների բնական և մշակութային մեկնաբանությունը, այդ թվում «Խեղճ մարդիկ» նամակագրական վեպի միկրոսյուժեն, որի հետ կապված է տնային, ներսի ծաղիկների պարտեզը: Հեղինակը քիչ հայտնի աղբյուրներից վերակառուցում է 19-րդ դարի տնային, ներսի ծաղիկների խնամքի ավանդույթները, որոնք արտացոլվել են գրականության մեջ, մանրամասնորեն բնութագրվում է վեպի հեղինակի Դոստոևսկու ընտրված բույսերի պատկերները (խորդենի, բալասան, հափրուկ ծաղկակերպարները) և ներգրավելով օտարերկրյա գրողների՝ Դիկենսի, Թեքերեյի, Բալզակի և այլ ստեղծագործությունները, համեմատվում են այդ բույսերը համբավը, տարբեր վերաբերմունքը նրանց հանդեպ այլ մշակույթներում:

Բանալի բառեր՝ *Դոստոևսկի, «Ոճիր և պատիժ», «Խեղճ մարդիկ», միջմշակութային համատեքստ, բնական և մշակութային նախապատմություն, տան այգի, պարտեզ, ծաղկանոց, լեզվամշակութային վարկանիշ, բուսաբանական պոետիկա, ծաղկակերպար, այլ ազգությունների մեկնաբանում:*